

ВЛАДИМИР ДАЛЬ

ТОЛКОВЫЙ
СЛОВАРЬ

ВЛАДИМИР ДАЛЬ

ТОЛКОВЫЙ
СЛОВАРЬ
ЖИВОГО
ВЕЛИКОРУССКОГО
ЯЗЫКА

ТОМ

I

А ~ З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ
МОСКВА — 1955

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА

Составитель
Владимир Иванович Даль

В подготовке издания принимали участие:
Редакторы: *Л. И. Рахманова, А. Г. Виноградова*
Технический редактор *Р. И. Розанова*
Корректоры: *С. С. Граник, Л. М. Коротких*

A01562. Сдано в набор 4/VIII 1954 г. Подписано к печати 25/III 1955 г.
Формат бумаги 84×108/16. Бумажных листов 24,625; печатных листов 80,77;
учётно-издательских листов 131,3. Тираж 100 000 экз.
Цена I тома словаря в переплёте 25 р.

Государственное издательство иностранных и национальных словарей
Москва, В-71, Б. Калужская, 15

Набрано и сматрицировано
Первой Образцовой типографией им. А. А. Жданова
в 1955 г.

Отпечатано с матриц
в 4-й типографии им. Евг. Соколовой
Главполиграфпрома Министерства культуры СССР
Ленинград, Измайловский пр., 29
Заказ № 552

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ В. И. ДАЛЯ

«Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля — явление исключительное и, в некотором роде, единственное. Он своеобразен не только по замыслу, но и по выполнению. Другого подобного труда лексикография не знает. Создатель его не был языковедом по специальности. О себе и своём словаре В. И. Даль говорит: «Писал его не учитель, не наставник, не тот, кто знает дело лучше других, а кто более многих над ним трудился; ученик, собиравший весь век свой по крупице то, что слышал от учителя своего, живого русского языка»¹. Выдающийся знаток русского слова, В. И. Даль был чутким ценителем и заботливым собирателем русской речи в самых многообразных её проявлениях: меткая самобытная пословица, поговорка, загадка, сказка находили в нём внимательного собирателя и бережного хранителя. Отсюда и та необыкновенная полнота, с которой отражается народное речевое творчество в составленном им словаре.

Родился В. И. Даль 10 ноября 1801 года, умер 22 сентября 1872 года. Пятьдесят три года он собирал, составлял и совершенствовал свой словарь. Начав работу юношей, он продолжал её до самой смерти. В «Автобиографической заметке» он вспоминает: «3 марта 1819 года... мы выпущены в мичмана, и я по желанию написан в Чёрное море в Николаев. На этой первой поездке моей по Руси я положил бессознательно основание к моему словарю, записывая каждое слово, которое дотеле не слышал»². А за неделю до смерти, прикованный болезнью к постели, В. И. Даль поручает дочери внести в рукопись словаря, второе издание которого он готовил, четыре новых слова, услышанных им от прислуги³. В. И. Даль обладал исключительным интересом к русскому народному языку, творчеству и быту, а личная судьба его сложилась так, что ему пришлось побывать в различных частях обширного русского государства, прийти в тесное соприкосновение с многочисленными и разнообразными представителями русского народа, по преимуществу крестьянства. В. И. Даль родился в городе Луганске (теперь Ворошиловград) в семье врача, его детство прошло в Николаеве, откуда тринадцати лет он переехал учиться в петербургский Морской корпус. По окончании учебного заведения, получив первый офицерский чин, В. И. Даль около пяти лет прослужил во флоте, сначала на Чёрном, а потом на Балтийском морях. Не обладая подходящим для морской службы здоровьем, В. И. Даль, отслужив обязательный для воспитывавшегося на казённый счёт в военно-учебном заведении срок, вышел в отставку и поступил в Дерптский университет на медицинский факультет. В 1829 году он выдержал экзамен, защитил диссертацию и был направлен врачом в действующую армию в Турцию, затем участвовал в войне 1831 года с Польшей, а в 1832 году был переведён в Петербург на должность ординатора военно-сухопутного госпиталя. Но через год он снова переменял профессию и поступил чиновником особых поручений к оренбургскому губернатору. Новое служебное поприще потребовало от В. И. Даля частых и больших разъездов по краю и дало ему возможность узнать естественные и этнографические богатства далёкой и новой для него окраины России. Кипучая и деятельная натура Даля не ограничивается в эту пору собиранием материалов по языку и народной словесности. В. И. Даль вступает в живую связь с Академией наук, её отделением (классом — по тогдашней терминологии) естественных наук, посылает для пополнения коллекций Академии разнообразные экспонаты, характеризующие естественные богатства и природу Оренбургского края. Отмечая эту общественную деятельность В. И. Даля, Академия наук выбирает его 21 декабря 1838 года своим членом-корреспондентом. В ответ на это избрание в письме на имя неперменного секретаря Академии наук П. Н. Фуса Даль с обычной для него скромностью в оценке своих трудов писал: «Не пользуясь достаточным учёным образованием, чтобы отличиться в какой-либо отрасли наук самостоятельными трудами, я сочту себя счастливым, если буду в состоянии способствовать сколько-нибудь учёным исследователям доставлением запасов или предметов для их общепользных занятий»⁴. В 1841 году В. И. Даль опять в Петербурге, служит крупным министерским чиновником, а в 1849 году его переводят в Нижний-Новгород управляющим удельной конторой. Десять лет Даль пробыл на этой должности, и лишь с 1859 года, выйдя в отставку и поселившись в Москве, он получает возможность

¹ В. И. Даль. Напутное слово, стр. XV.

² Полное собрание сочинений Владимира Даля. 1897—1898. Т. I, стр. ХСІ—ХСV.

³ Там же, стр. I—ХС: П. И. Мельников. В. И. Даль. Критико-биографический очерк.

⁴ Письмо В. И. Даля П. Н. Фусу от 24 сентября 1839 г. (на немецком языке). Архив АН СССР, ф. I, оп. 2—1839, § 569.

целиком отдаться завершению величайшего труда своей жизни — «Толкового словаря». В тридцатые годы имя Казака Луганского (литературный псевдоним В. И. Даля) получает широкую известность как популярного писателя из народного быта. Пушкин, высоко оценивая первый литературный опыт Даля — написанные им сказки, — поощрял Даля продолжать в этом же роде. Белинский был высокого мнения о таланте Даля. Но чем бы В. И. Даль ни занимался, он прежде всего оставался собирателем языкового и этнографического материала. В результате у него скопились огромные запасы слов, выражений, пословиц, поговорок, сказок, песен и других произведений народной словесности и возникло желание упорядочить эти материалы и обнародовать их. В. И. Даль попытался предложить свои «запасы», а вместе с ними и себя для разработки этих запасов в распоряжение «императорской» Академии наук, но это предложение не было принято. Оставалось на выбор: или забросить то, что собиралось не один десяток лет, или на свой страх и риск приступить к обработке материалов, пользуясь лишь нравственной поддержкой энтузиастов-единомышленников. В. И. Даль пошёл вторым путём. В результате и возник четырёхтомный словарь, который позже стал справедливо называться «Далев словарь» и по праву занял почётное и прочное место в истории русской культуры.

I.

В. И. Даль горячо сетовал на отрыв книжно-письменного языка его времени от народной основы, от живого русского языка, на обильное засорение книжной речи «чужесловами», то-есть словами, заимствованными из западноевропейских языков. «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный», — писал В. И. Даль⁵. Составляемый им словарь, по его замыслу, должен был ответить этой задаче. Автор-составитель понимал, что путь преобразования литературного языка долгий и сложный, посильный лишь грядущим поколениям писателей и учёных. Свою роль он осознал как роль начинателя большого и важного дела. Убеждённая уверенность В. И. Даля в высоких достоинствах русского языка, в безграничной способности его к совершенствованию, в полной возможности своими национальными средствами выразить любую мысль не покидала его на протяжении всего творческого пути и определила характер составленного им словаря. Своим словарём и обильно введёнными в него материалами народной речи В. И. Даль стремился указать современникам средства народного обновления русского литературного языка XIX века. И, действительно, «Толковый словарь» Даля сыграл очень большую роль в подъёме интереса к живым говорам русского языка и к народной основе литературной речи.

Разбросанность теоретических высказываний В. И. Даля по разным его статьям⁶, остро-полемический характер их наряду с противоречиями между отдельными высказываниями, большая доля наивности в решении чисто практических вопросов языкознания, с одной стороны, и «учёные приговоры» критиков, представителей кафедральной науки, несколько несерьёзно относящихся к «самоучке-филологу» Далю, — с другой, помешали оценить теоретическое литературное наследие В. И. Даля, критического разбора которого, в сущности, в русской филологии нет⁷. В. И. Даль оценён лишь как практик-сборщик и составитель капитального словаря. За это ему была присуждена Академией наук Ломоносовская премия, за это он был выбран почётным академиком. Но обстоятельный и серьёзный разбор, которому подверг В. И. Даль выпущенный Академией наук «Опыт областного словаря», целый ряд критических замечаний, попутно высказанных им по поводу русской грамматики, русского правописания, и особенно диалектологические суждения В. И. Даля показывают, что по своему научному кругозору и уровню, во всяком случае в области лексикографии и диалектологии, он был не ниже многих признанных учёных, его современников. Мнение В. И. Даля о новом издании русского словаря, который проектировала Академия наук в 1854 году, показывает широту его лексикографических представлений наряду с их практичностью.

По выходе в свет «Толкового словаря» в Академии наук неоднократно поднимался вопрос об избрании В. И. Даля академиком. По официальной версии, только причины внешнего порядка могли помешать такому избранию. «II Отделение охотно избрало бы его (В. И. Даля) в действительные члены свои, если бы тому не препятствовало постоянное пребывание его в Москве»⁸. По тогдашнему уставу Академии наук ее действительные члены должны были непременно жить в Петербурге, где находилась и сама Академия. Этим же уставом ограничивалось число академиков. Невозможность выбрать нового академика, пока не освободилось

⁵ В. И. Даль. Напутное слово, стр. XIII.

⁶ В. И. Далем написан ряд статей, в которых он касается вопросов теории и практики культуры русской речи: «Напутное слово», «О русском слове», «О наречиях великорусского языка», «Ответ на приговор». Эти статьи помещаются в настоящем издании при первом томе «Толкового словаря». Статьи «Подлатора слова о русском языке», «Недовесок к статье «Подлатора слова о русском языке» и ряд полемических писем об иностранных словах к М. П. Погодину напечатаны в X томе Полн. собрания сочин. Владимира Даля.

⁷ В. И. Далю как лексикографу посвящена диссертация М. В. Канкава. Автореферат. Тбилиси, 1952.

⁸ Архив АН СССР, ф. 9, оп. 1, № 358.

для него место, привела к экстравагантному предложению академика М. П. Погодина: «Словарь Даля кончен. Теперь русская академия наук без Даля немыслима. Но вакантных мест ординарного академика нет. Предлагаю: всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из академии вон, и упразднившееся место предоставить Дально. Выбывший займёт первую, какая откроется, вакансию»⁹.

В. И. Даль не ошибался в той высокой оценке, какую он давал русской народной речи: «Живой народный язык, сберёгший в жизненной свежести дух, который придаёт языку стойкость, силу, ясность, целостность и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи»¹⁰. Этот его завет неоспорим, и тот путь, которым шли и идут лучшие мастера художественного слова, создатели великой русской литературы, подтверждает правильность его мысли. В. И. Даль вовсе не считал обязательным переносить всё из народной речи в язык литературно-книжный. В этом отношении он совершенно недвусмысленно характеризует свой словарь как собрание материалов, которые подлежат переработке под пером писателя: «Я никогда и нигде не одобрял безусловно всего, без различия, что обязан был включить в словарь: выбор предоставлен писателю»¹¹. Больше того, он предостерегает от внесения в литературную речь резко выраженных областных слов и оборотов, которые приводят к порче литературного языка, засорению его. «Нет, языком грубым и необразованным писать нельзя, это доказали все, решившиеся на такую попытку, и в том числе, может быть, сам составитель словаря»¹². Между этим заявлением и одной из попыток сближения литературного языка с народным, которую демонстрировал Даль Жуковскому за двадцать пять лет до того, существует заметная разница. Взгляды и вообще мировоззрение В. И. Даля, несомненно, эволюционировали, отчасти и под влиянием критики, которой они подвергались. В 1837 году, встретившись в Уральске с Жуковским, Даль представил ему образец двоякого способа выражения: общепринятого книжного и народного. Фраза на книжном языке имела такой вид: «Казак седлал лошадь как можно поспешнее, взял товарища своего, у которого не было верховой лошади, к себе на круп и следовал за неприятелем, имея его всегда в виду, чтобы при благоприятных обстоятельствах на него напасть». На народном же — «Казак седлал уторопь, посадил бесконного товарища на забедры и следил неприятеля в назерку, чтобы при сполутности на него ударить». В ответ на характеристику В. И. Далем народного способа изложения как более короткого и выразительного В. А. Жуковский заметил, что вторым способом можно говорить только с казаками и притом о близких им предметах. Справедливость ответа Жуковского, очевидно, побудила Даля к пересмотру своих убеждений. Во всяком случае, от крайностей он постепенно освобождался. Личный опыт обработки Далем народного языка с целью превращения его в язык книжно-литературный оказался неудачен. Борьба за создание литературного языка на народной основе, сближение литературного языка с живым, разговорным языком широких демократических слоёв общества — эта задача была продиктована эпохой Даля и решалась его великими современниками Пушкиным и Гоголем.

В. И. Даль глубоко волновал вопрос об иноязычных заимствованиях в русском литературном языке; в его высказываниях по этому поводу содержится немало и здравых мыслей, хотя в целом его теория явно неубедительна и носит путанный характер. В. И. Даль объявляет войну далеко не всем иноязычным словам, проникшим в русский язык: «Мы не гоним общей анафемой все иностранные слова из русского языка, мы больше стоим за русский склад и оборот речи, но к чему вставлять в каждую строчку: моральный, оригинальный, натура, артист, грот, пресс, гирлянда, пьедестал, и сотни других подобных, когда без малейшей натяжки можно сказать то же самое по-русски? Разве: нравственный, подлинный, природа, художник, пещера... хуже? Нисколько, но дурная привычка ходить за русскими словами во французский и немецкий словарь делает много зла. Мы очень нередко видим, что писатели вставляют самым странным образом французское слово, явно против воли и желания своего только потому, что не могли в скорости найти русского, или даже не знали его — неужели и это хорошо и извинительно»¹³. Не всегда предложения В. И. Даля в отношении замены являются счастливой находкой и приемлемы; вряд ли кому-либо придёт в голову заменять иноязычное по происхождению слово пьедестал рекомендуемым Далем русским словом стояло, но самая идея замены ненужных иноязычных слов, особенно в области специальной научной и технической терминологии, близка нашему времени.

Когда В. И. Даль пишет: «читатели и писатели, надеюсь, согласятся, что между словами: сапог, кушак, журнал — и какими-нибудь газонами, кадаверами, кавернами, есть разница»¹⁴, — он стремится отграничить иноязычные заимствования, усвоенные под влиянием действительной нужды, с одной

⁹ Н. Н. Модестов, Вл. Ив. Даль в Оренбурге, Оренб., 1913, стр. 82.

¹⁰ В. И. Даль. Напутное слово, стр. XIV.

¹¹ В. И. Даль. Ответ на приговор, стр. LXXXVII. Ср. Напутное слово, стр. XVII—XX.

¹² В. И. Даль. Напутное слово, стр. XIV.

¹³ Полн. собрание сочин. Вл. Даля. Т. X, стр. 551.

¹⁴ Там же, стр. 576.

стороны, от заимствований под влиянием моды и слепого подражания — с другой. Реформатор-одиночка, мировоззрение которого было весьма близко к славянофилам, В. И. Даль не мог найти правильного решения вопроса об иностранных словах в русском языке, а его практическая пуристская деятельность шла вразрез с прогрессивным течением общественной мысли. Современная Далю критика упрекала его в том, что он впадает в крайность, борясь с «чужесловами». В. И. Даль, видимо, сам отдавал себе в этом отчёт, когда писал: «Во всяком новом деле крайности неизбежны; станется, что и тут было не без того. Но из крайности той может выйти со временем что-нибудь путное, из посредственности же никогда и ничего не выйдет»¹⁵.

В. И. Даль не избегал иноязычных слов в своём словаре, справедливо считая: «От исключения из словаря чужих слов, их в обиходе, конечно, не убудет; а помещение их, с удачным переводом, могло бы иногда пробудить чувство, вкус и любовь к чистоте языка»¹⁶. Помещая «чужесловы» в своём словаре, он хотел обезвредить их, вывести из употребления своеобразным приёмом: подбирая им замены и иногда создавая для этой цели новые слова. Далю казалось, что при возможности такого выбора отпадёт потребность в «чужесловах». Вступая на путь словотворчества, Даль не самообольщался: ему были ясны все трудности продвижения в жизнь нового слова по личному почину. «Переводы эти, — писал он, — многих соблазняют и вызывают на глумление; признаемся, что на это пенять нельзя: где только, в применении малоизвестного слова, видна натяжка, а тем более во вновь образованном погрешность против духа языка, там оно глядит рожно»¹⁷. В. И. Даль, конечно, был убеждён, что в его опытах не будет «погрешности против духа языка», что он тщательно и стремился доказать, сердясь и негодуя, когда оставался непонятым. Слабая сторона позиции В. И. Даля была в другом: ему было чуждо понимание социальной природы языка. Изобретённые В. И. Далем слова: колозёмица, мирокблиця (атмосфера), небозём (горизонт), насылка (адрес), носохватка (пенсне), сáмoтник (эгоист) и другие подобные не могли войти в практику живого речевого общения, оставаясь мёртвыми препаратами, так как они не были рождены «настоятельной нуждой в общении с другими людьми»¹⁸. Апелляция же к тому, что «чужесловы» не соответствуют «духу русского языка», не помогала. Идея борьбы с употреблением иностранных слов без надобности своё правильное выражение находит в заметке В. И. Ленина «Об очистке русского языка»¹⁹, которая служит опорой в борьбе за чистоту и правильность русской речи.

В. И. Даль несколько раз высказывал убеждение, что «словарник не узаконитель, а раб языка; что есть, то он обязан собрать», но на деле он не остался на этой скромной позиции. Он пожелал быть не только собирателем, но и реформатором русского языка. И если его собирательская деятельность встречала полное сочувствие и одобрение современников, то его пуристические попытки осуждались неоднократно и вполне справедливо.

II.

«Толковый словарь» выходит в настоящее время шестым изданием²⁰. Со времени первого издания прошло почти девяносто лет. Этот долгий срок жизни знаменитого детища Даля свидетельствует о его выдающихся лексикографических достоинствах. Являясь одной из самых богатых сокровищниц человеческой речи, Словарь Даля навсегда останется классическим памятником литературы. Предельно сжатую, но исключительно верную и глубокую характеристику и оценку дал Толковому словарю Даля В. И. Ленин в письме к А. В. Луначарскому от 18 января 1920 г.: «Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые, — ознакомиться с знаменитым словарём Даля. Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького»²¹. В воспоминаниях В. И. Бонч-Бруевича, бывшего управляющим делами Совнаркома, рассказывается, что Словарь Даля стоял на этажерке рядом с письменным столом в совнаркомовском кабинете В. И. Ленина, что Владимир Ильич постоянно изучал Словарь Даля, интересовался «поговорками и пословицами, которые там были приведены»²², читал Словарь как увлекательную книгу и «высказывал

¹⁵ Полн. собрание сочин. Вл. Даля. Т. X, стр. 565—566.

¹⁶ В. И. Даль. Научное слово, стр. XXIV.

¹⁷ Там же, стр. XXIV.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Партиздат. 1937. Т. IV, стр. 20—21.

¹⁹ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4, 1951. Т. 35, стр. 369.

²⁰ Первое издание выходило при жизни В. И. Даля в 1863—1866 гг., второе издание было посмертным (1880—1882 гг.). Это издание повторно фотомеханическим способом Гослитиздатом в 1935 г. Третье издание, осуществлённое под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене, исправленное и дополненное, выходило в 1903—1909 гг.; четвёртое издание 1913 г. является стереотипным повторением третьего. Данное издание представляет собой точное воспроизведение путём набора второго издания Словаря Даля 1880—1882 гг. Второе издание оказалось несвободным от опечаток и других погрешностей. Эти опечатки и ошибки при их выявлении исправлялись Издательством иностранных и национальных словарей, причём каждый случай проверялся по первому изданию.

²¹ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4, 1951. Т. 35, стр. 369.

²² В. Бонч-Бруевич. Изучение лаборатории творчества В. И. Ленина. РАПП, № 3. В. Бонч-Бруевич. Ленин о поэзии. На литературном посту, 1931, № 4.

свое восторженное изумление перед разнообразием эпитетов и другими образными выражениями русского языка»²³. Трудно найти более высокую оценку книге, чем указание на то, что она была в числе тех, которые служили великому гению революции и создателю Советского государства, что к ней он многократно обращался как к богатейшему собранию разнообразных материалов русской речи.

Рекомендации Словаря Даля как увлекательной и занимательной книги для чтения, советы воспользоваться таким полезным чтением делались неоднократно и разными авторами. Академик Грот, один из первых исследователей «Толкового словаря», вскоре после выхода книги писал: «Словарь Даля — книга не только полезная и нужная, это — книга занимательная: всякий любитель отечественного слова может читать её или хоть перелистывать с удовольствием. Сколько он найдёт в ней знакомого, родного, любезного, и сколько нового, любопытного, назидательного! Сколько вынесет из каждого чтения сведений драгоценных и для житейского обихода, и для литературного дела»²⁴. Писатель К. Чуковский в двадцатых годах заявлял: «Нужно, чтобы переводчики всячески пополняли свой мизерный запас синонимов. Пусть они воспользуются знаменитым советом Теофиля Готье и возможно чаще читают словарь. Даль — вот кого переводчикам нужно читать»²⁵.

Словарь Даля не потерял своего значения и для наших дней. Его повторное издание в советское время обусловлено величайшим размахом культурного строительства в СССР, тяготением широчайших слоёв трудящихся к овладению культурой, стремлением многочисленных народов Советского Союза к овладению великим и могучим русским языком, незаменимым орудием культурного подъёма. «Толковый словарь живого великорусского языка» — это настоящая энциклопедия русского народного быта, склада ума и характера, нашедших своё выражение в речи. Достаточно указать, что В. И. Даль под разными словами поместил около тридцати тысяч пословиц. Словарь Даля далеко выходит за пределы, которые ограничивают обычные филологические словари: он объясняет и предметы, характеризующие русский народный быт, и поверья, и приметы, связанные с сельскохозяйственным календарём, а также даёт множество других этнографических сведений. Толкуя то или иное слово, В. И. Даль подбирает множество синонимов, свидетельствующих об исключительном богатстве русского языка, его гибкости и выразительности, он показывает безграничные словообразовательные возможности русского языка.

Помимо отдельных слов в Словаре Даля приводятся и объясняются тысячи словосочетаний и устойчивых оборотов речи. Огромное большинство подобного речевого материала ни в какие другие словари русского языка не введено, а между тем этот фразеологический материал имеет широкое хождение в живой непридуманной русской речи, часто встречается на страницах классической и современной русской литературы. Десятки миллионов людей всех возрастов, всерьёз изучающих русский язык, нуждаются в разъяснении, в истолковании этих так называемых идиоматических средств русского языка. И до тех пор, пока не будет создан новый обширнейший словарь русского языка, заключающий в себе не только слова и выражения, употребляемые в русской литературной речи, но и слова территориальных и профессиональных диалектов, слова, принадлежащие просторечию и разговорно-бытовой сфере общения, Словарь Даля останется незаменимым пособием-справочником по русскому языку в широком значении этого понятия. Этот словарь-справочник полезен тем, что охватывает лексику письменной и устной речи XIX века, а частично даже и словарный состав памятников древней письменности, но он совершенно незаменим, когда речь идёт о живом народном языке, когда нужны сведения о словах областных, о понятиях, связанных с условиями дореволюционного крестьянского быта, о народных верованиях и представлениях, нашедших отражение в лучших произведениях русской классической и современной литературы.

III.

Разбирая «Толковый словарь» Даля, следует охарактеризовать: 1) объём и состав его; 2) построение словаря; 3) выработанные В. И. Далем приёмы толкования слов. Надо заметить, что при выработке типа своего словаря В. И. Даль опирался на обширную предшествующую лексикографическую литературу, которая ему была хорошо известна.

1. В основу своего Словаря В. И. Даль намерен был положить народный язык, но он не закрывал доступа и словам книжно-письменного языка и даже «чужесловам», с распространением и употреблением которых, как сказано выше, вообще боролся. Должны были найти место в Словаре и все слова областные и местные по употреблению. Вводились также слова церковнославянские и устарелые, но количество их ограничивалось оглядкой на употребительность в живом языке. Столь широкий замысел и объём граничили с невыполнимостью задачи, что не ускользало от внимания и самого составителя. Руководящая цель, во всяком случае,

²³ В. Бонч-Бруевич. Как работал Владимир Ильич. Читатель и писатель, 1928, № 2.

²⁴ Я. К. Грот. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Труды. Т. II. СПб, 1899. Стр. 43.

²⁵ К. Чуковский. Переводы прозаические. Сб. «Принципы художественного перевода». Гос. изд. Петербург. 1920. Стр. 38.

определила характер Словаря Даля. Сам он обозначал эту цель в следующих словах: «Речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные и областные; обиходные, научные, промысловые и ремесленные; иноязычные усвоенные и вновь заходящие, с переводом; объяснение и описание предметов, толкование понятий общих и частных, подчинённых и сродных, равносильных и противоположных, с одно(тожде)словами и выражениями окольными; с показанием различных значений, в смысле прямом и переносном или иносказаниями; указания на словопроизводство; примеры, с показанием условных оборотов речи, значения видов глаголов и управления падежами; пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и пр.»²⁶.

Ближайшими предшественниками «Толкового словаря» были два словаря, изданных Академией наук: «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. и «Опыт областного великорусского словаря» 1852 г. О первом словаре В. И. Даль говорит, что на нём основал он весь свой труд, а что касается второго, то он послужил ему для пополнения его собственных запасов областной лексики. Академический словарь 1847 г. содержал около 115 тысяч слов, словарь же, составленный В. И. Далем, включает больше 200 тысяч слов, — таким образом, он был и остаётся до сих пор самым обширным словарём русского языка. Сразу же по выходе первого издания, ещё при жизни В. И. Даля, начали появляться дополнения²⁷ к его словарю с указанием существующих в русском языке, но не вошедших в Словарь Даля, пропущенных им слов. Рядом с пропуском отдельных слов обнаруживались и пропуски отдельных значений слов, отчасти возникшие как следствие неудовлетворительных приёмов толкования. В. И. Даль старательно собирал такие дополнения, желая воспользоваться ими для второго издания своего словаря.

Особо ценным фондом в Словаре В. И. Даля следует считать огромное количество слов, связанных с ремёслами, промыслами, народной медициной, естествознанием. До Словаря Даля значительная часть подобного материала или была разбросана по разным изданиям, или вовсе не была известна. Как уже отмечалось выше, множество сведений, содержащихся в Словаре В. И. Даля, далеко выходят за пределы чисто филологического порядка. Это исключительно ценные этнографические материалы. Так, например, при слове лапотъ не только охарактеризованы все типичные виды лаптей, части (с их названиями), из которых лапотъ состоит, но указан даже и способ изготовления этого рода устарелой в наше время обуви. При слове масть В. И. Даль объясняет до пятидесяти названий конских мастей; при слове гриб — десятки видов грибов; при словах мачта, парус даются не только названия различных видов мачт и парусов, но объясняется и их назначение. Рядом с названиями, заимствованными из голландского и английского языков (флотские названия), даются и названия, возникшие и употреблявшиеся на Каспийском и Белом морях и на больших русских реках. Под словом рукобитье, например, объясняется сложный свадебный обряд и целый ряд связанных с ним обычаев, характерных для свадьбы в старом крестьянском быту. Акад. Я. Грот, составитель разбора Словаря В. И. Даля по поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук, об этом рода материалах в словаре писал: «Вещественные толкования в Словаре Даля относятся к столь разнородным предметам, что мы никак не можем взять на себя критической их проверки: это потребовало бы особенных разысканий»²⁸.

2. Приступая к упорядочению собранных им огромных запасов слов, В. И. Даль мучительно искал удобного способа расположения их в своём словаре. Ему были хорошо известны два противоположных способа: алфавитный порядок расположения слов и корнесловный способ группировки их, при котором группы слов, возводимых к общему корню, объединяются в гнезда, а во главе гнезда ставится или самый корень, как это было принято в «Словаре Академии Российской» 1789—1794 гг., или более или менее произвольно устанавливаемое исходное слово. В. И. Даль выбрал для себя путь средний: слова того же корня (за исключением приставочных образований, помещаемых под буквами, с которых они начинаются) в его словаре группируются в гнезда, а во главе такой группы «одногнездовых» выставляется глагол или имя. Выбранный способ словорасположения, по мнению В. И. Даля, способствует постижению духа языка и раскрывает законы его словообразования. «Не усвоим ли мы себе легче утраченный нами дух языка, — спрашивает В. И. Даль, — при том гнездовом или семейном порядке составления словаря, какой читатели видят ныне перед собою?»²⁹. Выгодная сторона гнездового словорасположения несомненна: современная В. И. Далю научная критика не могла отказать составителю в преимуществе того способа, при помощи которого он стремился раскрыть смысловые связи слов и дать семантическую и словообразовательную характеристику слова и языка в целом. Но, обладая некоторыми достоинствами, избранный В. И. Далем способ построения словаря был

²⁶ В. И. Даль. Непутное слово, стр. XXIII.

²⁷ П. Шейн. Дополнения и заметки к Толковому словарю Даля. Сб. отд. русск. яз. и словесн. Ак. наук. СПб., 1873, т. X, стр. 78. И. Ф. Науиов. Дополнения и заметки к Толковому словарю Даля. Сб. отд. русск. яз. и словесн. Ак. наук. СПб., 1874, т. XI, 6. Я. К. Грот. Дополнения и заметки к Толковому словарю Даля. Филологические разыскания. 1899, т. II, стр. 401—433. Эти и некоторые другие дополнения были использованы во 2 изд. «Толкового словаря».

²⁸ Я. К. Грот. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Филологические разыскания. СПб., 1899. Т. II, стр. 41.

²⁹ В. И. Даль. Непутное слово, стр. XX.

чреват и трудностями, которые легко приводили к недочётам и промахам. Возможность таких промахов была обусловлена ещё и тем обстоятельством, что В. И. Даль не был языковедом-теоретиком. Он произвольно соединял в одно гнездо такие слова, которые явно несоединимы; это касалось в равной мере и слов русских, и слов иноязычных. В одно гнездо попали простой и простор, тлеть и тло, колеть и кол; под словом акт оказались помещёнными: актёр, акциденция, акциз и акция; вальс и вальц были в одном гнезде. С другой стороны, не объединёнными в одно гнездо оказались такие явно тяготеющие друг к другу слова, как дикий и дичь, знак и значок, круг и кружить и др. под. Самый же существенный недостаток гнездового построения словаря заключается в том, что такой словарь теряет качества удобного справочника: иногда нужное слово так далеко упрятано, что трудными становятся его поиски даже для человека с хорошей филологической подготовкой³⁰.

3. Характеризуя способы раскрытия значения толкуемого слова, В. И. Даль отрицательно относится к приёму толкования значения при помощи развёрнутых определений: «При объяснении и толковании вообще избегались сухие бесплодные определения, порождения школярства, потеха зазнавшейся учёности, не придающая делу никакого смысла, а напротив, отрешающая от него высокопарною отвлечённостью»³¹. Скептическое отношение к возможности передать смысл слова повествовательно, в формуле В. И. Даль подкрепляет изображением, не лишённым доли истины: «Общие определения слов и самых предметов и понятий дело почти не исполнимое и притом бесполезное. Оно тем мудрёнее, чем предмет проще, обиходнее». Преимущество он видит в другом приёме: «Передача и объяснение одного слова другим, а тем паче десятком других, конечно, вразумительнее всякого определения, а примеры ещё более поясняют дело». Не отказываясь целиком от развёрнутых определений значения слова, особенно когда дело касается вещественных толкований, В. И. Даль широко пользуется подбором к толкуемому слову группы синонимов и слов, более или менее сходных по значению, которые предназначены передать смысл толкуемого слова. За этим обычно следует перечень оправдательных иллюстративных примеров употребления слова в пословицах, поговорках или кратких авторских речениях. Этот предпочитаемый составителем «Толкового словаря» приём ограничивал его возможности: он не позволял раскрыть сумму значений в слове, чётко отделить одно значение от другого и показать возможность оттенков значений. Толкуя то или иное слово, В. И. Даль часто произвольно сближает его с другим словом, вовсе не являющимся его постоянным синонимом или относящимся к другому диалекту. Так, например, в «Толковом словаре» при слове бодрый стоят слова, предназначенные передать его значение: дюжий, здоровый, осанистый, видный. Между тем, они не совпадают по значению со словом бодрый, не передают его смысла, хотя, может быть, слово бодрый в некоторых говорах русского языка включает и эти оттенки значения. Слово бобыль, например, толкуется в словаре при помощи мнимого синонима пролетарий.

Расположение и характер приводимых для иллюстрации оправдательных примеров к словам часто подчинены случаю и произволу и не соотносятся с выделяемыми в слове значениями. Иногда подобных примеров неоправданно много, и среди них попадаются даже такие, которые не содержат того слова, иллюстрировать которое предназначены. Они притягиваются далёкими смысловыми ассоциациями. Под словом май, например, встречаются иллюстрации с именем Никола, потому что Николин день бывает в мае. Под словом постный помещён пример на имя Предтеча только потому, что Предтечу в народе называли иногда Иваном постным.

IV.

Отмечая большие достоинства Толкового словаря, не следует упускать из виду и его недостатки. Важнейший из них отмечен и в отзыве В. И. Ленина: словарь сильно устарел. При пользовании этим словарём надо отдавать себе полный отчёт в том, каким требованиям словарь удовлетворить не может, чего не следует от него ожидать. Прежде всего, разумеется, это не словарь современного литературного языка³². Русский литературный язык за тот длинный период, который отделяет нас от времени появления Словаря Даля, неизмеримо вырос, причём особенно большие сдвиги, характеризующие словарный состав языка, произошли после Великой Октябрьской социалистической революции, в последующую за ней эпоху строительства социа-

³⁰ Так, чтобы узнать, например, как толкуется в Словаре В. И. Даля сочетание звено осетрины, надо «догадаться» обратиться к гнезду, во главе которого стоит глагол звенеть. В этом гнезде звено осетрины толкуется как «ломать всю толщину рыбы». Значение слова звено в этом сочетании, очевидно, рассматривается как переносное по отношению к слову звено, как часть цепи, а последнее, видимо, этимологизируется как «производящее звук», потому слово звено и объединяется в одно гнездо со словом звенеть.

³¹ В. И. Даль. Напутное слово, стр. XXII.

³² Словарями-справочниками по современному русскому литературному языку являются: «Толковый словарь русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, тт. 1—4. М., 1935—1940 гг.; «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, 3 изд. М., 1953 г. и «Словарь современ. русск. литер. языка» АН СССР, т. I. Л., 1948. т. II. Л. 1951. т. III. Л. 1954. (намечается издание 15 томов).

лизма в СССР. Появилось множество новых слов, переосмыслились значения многих старых слов, особенно слов, относящихся к области общественно-политической терминологии. Коренным образом изменились многие представления и понятия. Естественно, что с точки зрения представлений, характерных для советского человека, старые словари, каким является и Словарь Даля, содержат много устарелого, рутинного. Толкование слов, связанных своим значением со структурой современного В. И. Даля общества, группировкой классовых сил, борьбой с официальной идеологией монархическо-крепостнического строя, обнаруживает ограниченность, а порой и отчётливую консервативность мировоззрения В. И. Даля.

Ни в коем случае не следует опираться на Словарь Даля в поисках лексических и грамматических норм современного русского литературного языка. Это прежде всего словарь «областнический», то-есть словарь, который широко представляет живой русский язык во всех многообразных формах его проявления и со всеми особенностями, которые ему присущи в зависимости от места, где он употребляется (говоры территориальные), и узкого круга носителей, объединяемых условиями занятий, профессией и т. п. (говоры социальные и жаргоны). Нередко наблюдаемое стремление широко пользоваться словами областными (особенно у некоторых молодых писателей) и попытка опереться в этом на «Толковый словарь» Даля не может быть оправдана, как не оправдывал такого стремления в свою пору и сам В. И. Даль, который подчёркивал неоднократно: «Повторю, для людей добронамеренных, что вовсе не утверждаю, будто вся народная речь, ни даже все слова речи этой должны быть внесены в образованный русский язык; я утверждаю только, что мы должны изучить простую и прямую русскую речь народа и усвоить её себе, как всё живое усваивает себе добрую пищу и претворяет её в свою кровь и плоть»³³. Чувство меры и такта в пользовании просторечными и областными словами отчётливо звучит в другом его совете писателям-современникам: «Изучать нам надо народный язык, спознаться через него с духом родного слова, и принимать или перенимать с толком и чувством, с расстановкой»³⁴.

Решительная борьба В. И. Даля с иноязычными заимствованиями в русском языке, а также стремление показать его большие словообразовательные возможности нашли своеобразное выражение в приёме толкования «чужесловов». Составитель словаря в поисках равнозначных слов для замены их, а иногда и просто в целях обогащения словарного состава языка прибегал к словотворчеству. Так появились на свет слова: соглас (гармония), живуля (автомат), ловкосилье (гимнастика), посббка (помощь, подмога), пичужить (любезничать) и некоторые другие. Из соображений тактических В. И. Даль не стремился показать себя автором этих и подобных слов, и потому они в словаре заняли место рядом с обычными словами русской речи. По выходе словаря такая «подделка» была сразу обнаружена, и В. И. Даль пришлось услышать немало упреков за помещение в свой словарь «слов вымышленных или, по крайней мере, весьма сомнительного свойства». В статье под названием «Ответ на приговор» он вынужден был сознаться, что в его словаре есть «слова, не бывшие доселе в обиходе». В. И. Даль не только предпринимал попытку создавать новые слова, он упорствовал, настаивая на закреплении неупотребительных значений за некоторыми словами. С этими значениями он и ввёл их в свой словарь. Так, ему казалось, что современный книжный язык неправильно пользуется словами обиденный и обиходный, обознаться и опознаться. К слову обиденный в «Толковом словаре» даются синонимы: суточный, однодневный, хотя литературный язык употреблял это слово в значении: обыкновенный, повседневный, заурядный. Подобный лексический материал в «Толковом словаре» наименее достоверен, и его наличие несколько осложняет практику пользования им.

Отдельные недостатки и несовершенства не помешали «Толковому словарю» В. И. Даля занять почётное и прочное место в истории русской культуры. Предшествующие словари ставили своей задачей приведение в известность лексических запасов исторического прошлого. В противовес им В. И. Даль создаёт словарь живого русского языка. Оценивать его следует, исходя из указания В. И. Ленина: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками»³⁵.

«Как сокровищница меткого народного слова, Словарь Даля всегда будет спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком»³⁶.

А. М. Бабкин

³³ В. И. Даль, Напутное слово, стр. XVIII.

³⁴ В. И. Даль, Недовесок к статье «Полтора слова о русском языке». Полн. собр. сочин. Т. X, стр. 567.

³⁵ В. И. Ленин. Сочинения. 4-е изд. Т. 2, стр. 166.

³⁶ В. В. Виноградов. Русская наука о русском литературном языке. Учён. зап. Моск. университета. Вып. 106, т. III, кн. I. М., 1946, стр. 73.

КЪ 25-ЛѢТІЮ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ МАВРІКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВАГО ВЕЛИКОРУСКАГО ЯЗЫКА.

Владиміра Даля.

Второе изданіе, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора.

Словарь названъ *толковымъ*, потому что онъ не только переводитъ одно слово другимъ, но толкуеть, объясняетъ подробности значенія словъ и понятій, имъ подчиненныхъ. Слова: *живаго великорускаго языка*, указываютъ на объемъ и направленіе всего труда.

Прим. автора.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

А — З.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Гостинный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА,

Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

1880

НАПУТНОЕ СЛОВО.

(Читано въ Обществѣ Любителей Руской словесности въ Москвѣ, 21 апрѣля 1862 г.)

Во всякомъ научномъ и общественномъ дѣлѣ, во всемъ, что касается всѣхъ и требуетъ общихъ убѣжденій и усилій, порою проявляется ложь, ложное, кривое направленіе, которое не только временно держится, но и беретъ верхъ, пригнетая истину, а съ нею и всякое свободное выраженіе мнѣній и убѣжденій. Дѣло обращается въ привычку, въ обычай, толпа торитъ безсознательно пробитую дорожку, а коноводы только покрикиваютъ и понукаютъ. Это длится иногда довольно долго; но, вглядываясь въ направленіе пути и осматриваясь кругомъ, общество видитъ наконецъ, что его ведутъ вовсе не туда, куда оно надѣялось попасть; начинается ропотъ, сперва вполголоса, потомъ и вслухъ, наконецъ подымается общій голосъ негодованія, и бывшіе коноводы исчезаютъ, подавленные и уничтоженные тѣмъ же большинствомъ, которое до сего сами держали подъ своимъ гнетомъ. Общее стремленіе беретъ иное направленіе, и съ жаромъ подвигается на новой стезѣ.

Кажется, будто бы такой переворотъ предстоитъ нынѣ нашему родному языку. Мы начинаемъ догадываться, что насъ завели въ трущобу, что надо выбраться изъ нея поздоровому и проложить себѣ иной путь. Все, что сдѣлано было доселѣ, со временъ петровскихъ, въ духѣ искаженія языка, все это, какъ неудачная прививка, какъ прищепа разнороднаго сѣмени, должно усохнуть и отвалиться, давъ просторъ дичку, коему надо вырости на своемъ корню, на своихъ сокахъ, слобриться холей и уходомъ, а не насадкой сверху. Если и говорится, что голова хвоста не ждетъ, то наша голова, или наши головы умчались такъ далеко куда-то въ бокъ, что едва ли не оторвались отъ туловища; а коли худо плечамъ безъ головы, то некорыстно же и головѣ безъ тула. Примѣняя это къ нашему языку, сдается, будто головѣ этой приходится либо оторваться вовсе и отвалиться, либо опомниться и воротиться. Говоря просто, мы увѣрены, что русской речи предстоитъ одно изъ двухъ: либо испошлѣть до-нѣльзя, либо, образуясь, своротить на иной путь, захвативъ притомъ съ собою всѣ покинутые второпяхъ запасы.

Взгляните на Державина, на Карамзина, Крылова, на Жуковского, Пушкина и на нѣкоторыхъ нынѣшнихъ даровитыхъ писателей, не ясно ли, что они избѣгали чужеречій; что старались, каждый по своему, писать чистымъ рускимъ языкомъ? А какъ Пушкинъ цѣнилъ народную речь нашу, съ какимъ жаромъ и усладою онъ къ ней прислушивался, какъ одно только кипучее нетерпѣніе заставляло его въ то же время прерывать созерцанія свои шумнымъ взрывомъ одобреній и острыхъ замѣчаній и сравненій — я не разъ бывалъ свидѣтелемъ.

Вотъ въ какомъ отношеніи пишущій строки эти полагаетъ, что пришла пора подорожить народнымъ языкомъ и выработать изъ него языкъ образованный. Народный языкъ былъ доселѣ въ небреженіи; только въ самое послѣднее время стали на него оглядываться, и то какъ будто изъ одной снисходительной любознательности *). Одни воображали, что могутъ сами составить языкъ

*) Въ этомъ отношеніи за Руской Академіей большая заслуга: изданіе областного словаря; но онъ изданъ сырымъ, какъ запасы были доставлены, безъ всякой критики. Это не трудъ ученаго братства, а весьма важный подарокъ, не входившаго въ разсмотрѣніе рукописи, издателя.

изъ самодѣлковыхъ словъ, скованныхъ по образцамъ славянскимъ и греческимъ; другіе, вовсе не заботясь объ изученіи своего языка, брали готовые слова со всѣхъ языковъ, гдѣ и какъ ни попало, да переводили дословно чужіе обороты речи, безсмысленные на нашемъ языкѣ, понятные только тому, кто читаетъ нерускою думою своею между строкъ, переводя читаемое мысленно на другой языкъ.

Знаю, что за мнѣніе это составителю словаря несдобровать. Какъ смѣть говорить, что языкъ, которымъ пишутъ оскорбленные такимъ приговоромъ писатели, языкъ нерусскій? Да развѣ можно писать мужицкою речью Далева словаря, отъ которой издали несетъ дегтемъ и сивухой, или покрайности квасомъ, кислой овчиной и банными вѣниками?

Нѣтъ, языкомъ грубымъ и необразованнымъ писать нельзя, это доказали всѣ, дѣшавшіеся на такую попытку, и въ томъ числѣ, можетъ быть, и самъ составитель словаря; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы должно было писать такимъ языкомъ, какой мы себѣ сочинили, распахнувъ ворота настежъ на западъ, надѣвъ фракъ и заговоривъ на всѣ лады, кромѣ своего; а изъ этого слѣдуетъ только, что у насъ еще нѣтъ достаточно обработаннаго языка, и что онъ, не менѣе того, долженъ выработаться изъ языка народнаго. Другаго, равнаго ему источника нѣтъ, а есть только еще притоки; если же мы, въ чаду обаянія, сами отсѣчемъ себѣ этотъ источникъ, то насъ постигнетъ засуха, и мы вынуждены будемъ растить и питать свой родной языкъ чужими соками, какъ дѣлаютъ растенія тунеядныя, или прищепой на чужомъ корню. Пусть же всякъ своимъ умомъ разсудитъ, что изъ этого выйдетъ: мы отдѣлимся вовсе отъ народа, разорвемъ послѣднюю съ нимъ связь, мы испощлѣемъ еще болѣе въ речи своей, отставъ отъ одного берега и не приставъ къ другому; мы убьемъ и погубимъ послѣднія нравственныя силы свои въ этой упорной борьбѣ съ природой, и вѣчно будемъ тянуться за чужимъ, потому что у насъ не станетъ ничего своего, ни даже своей самостоятельной речи, своего роднаго слова.

Не трудно подобрать нѣсколько пошлыхъ речей или поставить слово въ такой связи и положеніи, что оно покажется смѣшнымъ или пошлымъ, и спросить, отряхивая бѣлыя перчатки. этому ли намъ учиться у народа? но, не гаерствуя, никакъ нельзя оспаривать самоистины, что живой народный языкъ, сберегшій въ жизненной свѣжести духъ, который придаетъ языку стойкость, силу, ясность, цѣлость и красоту, долженъ послужить источникомъ и сокровищницей, для развитія образованной русской речи, взамѣнъ нынѣшняго языка нашего, каженика.

Откуда мы взяли *исправленный* нами языкъ, гдѣ родился онъ, въ книгахъ или въ устномъ говорѣ? Можно ли отрекаться отъ родины и почвы своей, отъ основныхъ началъ и стихій, усиливая перенести языкъ съ природнаго корня его на чужой, чтобы исказить природу его и обработать въ растеніе тунеядное, живущее чужими соками?

Если нынѣ кто вздумаетъ писать по-русски, то либо спочину же умолкаетъ подъ свистками коноводовъ, которыхъ брезгливыя уши къ такой речи непривычны, либо самъ на первыхъ же порахъ оскѣается, не доискавшись слова. У насъ нипочемъ путать *обознаться* и *опознаться*, *обыденный* и *обиходный*, и, не чая за собой грѣха, высказать противное тому, что хотѣлъ... Я не выдумываю, а привожу бывалые и недавніе примѣры, и прошу указать мнѣ, на какомъ другомъ языкѣ писатель, зная въ такомъ размѣрѣ языкъ свой, осмѣлится взяться за перо? Въ романѣ *Путеводитель въ пустынь*, по-русски *степной возжакъ*, есть прозвище *Открыватель слѣдовъ*, и это такой же выродокъ грамотейства, какъ самое заглавіе, грамотейства, которое становится на ходули, или покрайности подбоченивается, взявшись за перо: англійское *pathfinder* въ точности переводится рускимъ *выслѣдчикъ*; но, впервыхъ, въ словаряхъ нашихъ нѣтъ ни *выслѣдчика*, ни даже глагола *выслѣживать*, *выслѣдить*; вовторыхъ, англійское составлено изъ двухъ словъ, стало быть и намъ надо, бросивъ свое слово или даже и не ища его, сковать новое, изъ двухъ же, а затѣмъ, указывая на уродливое дѣтище свое, попенять на неуклюжесть рускаго языка! Два рускихъ профессора озаглавили книгу свою: *Обыденная жизнь*, вмѣсто *обиходная*; *обыденная*

значить: суточная, однодневная, откуда и церкви, срубленные по обѣту въ одинъ день, общею помочью, называются *обыденными* (въ Москвѣ, въ Вологдѣ); *обыденки* — сутки, день, и обыденками же зовутъ мухъ или мотыльковъ, живущихъ несбольшимъ сутки, эфемеры *)...

Но чтѣ объ этомъ широко толковать — эти примѣры вспали мнѣ на умъ; не стѣбитъ рыться за ними и терять попусту дорогое время, а можно бы найти не сотни, а тысячи подобныхъ. Что же выйдетъ изъ речи нашей, если мы пойдемъ зря и безъ оглядки этимъ путемъ? — не понимая ни русской речи, ни другъ друга, мы станемъ людьми безъ речей, безсловесными, или же поневолѣ будемъ объясняться по-французски. Рѣшите, что это хорошо, и продолжайте.

Но лучше не станемъ оправдываться въ поголовномъ грѣхѣ своемъ — у насъ же пришла нынѣ пора покаянія, — а скажемъ просто и прямо, какъ дѣло есть, что пишемъ такъ, какъ пишется, не потому, чтобы это было хорошо, полезно и красиво, а что такъ, видно, было намъ доселѣ на роду написано; въ молодости негдѣ и некогда было научиться по-русски, а возмужавъ, намъ стало и лѣнь, и опять таки негдѣ и некогда. Да, за недосугомъ, когда нибудь безъ покаянія умрешь!

Но съ языкомъ, съ человѣческимъ словомъ, съ речью, безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человѣка, это видимая, осязаемая связь, союзное звено между тѣломъ и духомъ: безъ словъ нѣтъ сознательной мысли, а есть развѣ одно только чувство и мычанье. Духъ не можетъ быть пороченъ, въ малоумномъ та же душа — ума много, да вонъ нейдетъ; отчего? Вещественные снаряды служатъ ему превратно, они искажены; духъ ими пригнетенъ, онъ подъ спудомъ, а безъ вещественныхъ средствъ этихъ, въ вещественномъ мірѣ, духъ ничего сдѣлать не можетъ, не можетъ даже проявиться.

Какой ученый нѣмецъ повѣрилъ бы, лѣтъ за двѣсти, что языкъ его, развѣ за малыми изъятіями, вовсе не нуждается въ латыни съ нѣмецкимъ окончаніемъ? А между тѣмъ, дѣло обошлось, благодаря отрезвившихся отъ мороки дѣлателей; истина устояла, а ложь погибла. Передъ нами же и другой, обратный примѣръ: у сосѣдей нашихъ, братьевъ одного корня, славянскій языкъ слился съ западными языками и образовалъ новый языкъ, обильный принятыми въ себя источниками; но отъ этого насилія его обдало мертвизною, и онъ окоснѣлъ, что ярко выразилось утратою имъ своего слогаударенія, которое разъ навсегда замерло на предпоследней гласной.

Не знаю, насколько мнѣ надсѣдаясь удастся убѣдить въ истинахъ этихъ читателя, но знаю, что онѣ укрѣпились во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я началъ сознательно жить; иначе, конечно, не стало бы меня на то, чтобы отдать полжизни некорыстному труду, коего конца я никогда не чаялъ увидѣть...

И вотъ съ какою цѣлью, въ какомъ духѣ составленъ мой словарь: писалъ его не учитель, не наставникъ, не тотъ, кто знаетъ дѣло лучше другихъ, а кто болѣе многихъ надъ нимъ трудился; ученикъ, собиравшій весь вѣкъ свой по крупницѣ то, что слышалъ отъ учителя своего, *живаго рускаго языка*. Много еще надо работать, чтобы раскрыть сокровища нашего роднаго слова, привести ихъ въ стройный порядокъ и поставить полный, хорошій словарь; но безъ подносчиковъ палаты не строятся; надо приложить много рукъ, а работа черна, невидная, некорыстная...

Съ той поры, какъ составитель этого словаря себя помнитъ, его тревожила и смущала несообразность письменнаго языка нашего съ устной речью простаго рускаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотействомъ, а стало быть и съ самимъ духомъ рускаго слова. Не разсудокъ, а какое-то темное чувство строптиво упиралось, отказываясь признать этотъ нестройный лепетъ, съ отголоскомъ чужбины, за рускую речь. Для меня сдѣлалось задачей выводить на справку и повѣрку:

*) Искренне прошу извиненія у писателей, всѣми уважаемыхъ, но заставившихъ меня указать на эти примѣры. Примѣры нужны, и они вдвое убѣдительнѣе, коли относятся до лицъ извѣстныхъ; лично ихъ, право, винить нельзя, всѣ мы въ одинаковомъ положеніи — такъ наша печь печетъ!

какъ говоритъ книжникъ, и какъ выскажетъ въ бесѣдѣ ту же, доступную ему мысль человѣкъ умный, но простой, неученый, — и нечего и говорить о томъ, что перевѣсъ, по всѣмъ прилагаемымъ къ сему дѣлу мѣриламъ, всегда оставался на сторонѣ послѣдняго. Не будучи въ силахъ уклониться ни на волосъ отъ духа языка, онъ поневолѣ выражается ясно, прямо, коротко и изящно.

Жадно хватая налету родныя речи, слова и обороты, когда они срывались съ языка въ простой бесѣдѣ, гдѣ никто не чаялъ соглядатая и лазутчика, этотъ записывалъ ихъ, безъ всякой иной цѣли и намѣренія, какъ для памяти, для изученія языка, потому что они ему нравились. Сколько разъ случалось ему, среди жаркой бесѣды, выхвативъ записную книжку, записать въ ней оборотъ речи или слово, которое у кого нибудь сорвалось съ языка — а его никто и не слышалъ! Всѣ спрашивали, никто не могъ припомнить чѣмъ либо замѣчательное слово — а слова этого не было ни въ одномъ словарѣ, и оно было чисто русское! Прошло много лѣтъ, и записки эти выросли до такого объема, что, при бродячей жизни, стали угрожать требованьемъ особой для себя подводы *). Пришлось призадуматься надъ ними, и рѣшить, хламъ ли это, съ которымъ надо развязаться, сваливъ его въ первую сорную яму, или хламъ этотъ рядъ-дѣлу и съ добрымъ притворомъ пойдетъ въ квашню, и дастъ хлѣбы, и насытитъ?

Просмотрѣвъ запасы свои, собиратель убѣдился, что въ громадѣ сору накопилось много хлѣбныхъ крупницъ, которыя, по рускому повѣрью, бросать грѣшно.

Началась разборка въ азбучномъ порядкѣ **), и, за отдѣленіемъ небольшого числа пѣсенъ (переданныхъ П. В. Кирѣевскому) и нѣсколькихъ стопъ сказокъ (отданныхъ Г. Афанасьеву), выбралось на очистку десятка два кипъ въ листъ, относящихся до языка, пословицъ, словъ и оборотовъ речи. Что съ ними дѣлать? обработать и издать въ видѣ запасовъ или прибавленія къ словарямъ — работы много, а толку мало; выйдетъ ни то ни се, да и пригодно развѣ тому только, кто бы самъ сталъ работать словарь; покинуть не обрабатывая — жаль, сердце не къ тому лежитъ; передать кому нибудь, кто бы смогъ и захотѣлъ заняться этимъ дѣломъ — такъ нѣтъ въ виду такихъ людей, да и половины краткихъ замѣтокъ моихъ никто безъ меня не пойметъ; хорошо бы приискать товарища, къ которому, вмѣстѣ съ запасами своими, можно было бы прикнута помощникомъ, и работать вмѣстѣ — но, сколько ни думалъ, и такого человѣка не знаю.

Одинъ изъ бывшихъ министровъ просвѣщенія (кн. Шихматовъ), по дошедшимъ до него слухамъ, предложилъ мнѣ передать академіи запасы свои, по принятой въ то время расцѣнкѣ: по 15 коп. за каждое слово, пропущенное въ словарѣ академіи, и по 7¹/₂ коп. за дополненіе и поправку. Я предложилъ, взамѣнъ этой сдѣлки, другую: отдаться совсѣмъ, и съ запасами, и съ посильными трудами своими, въ полное распоряженіе академіи, не требуя и даже не желая ничего, кромѣ необходимаго содержанія; но на это не согласились, а повторили первое предложеніе. Я отправилъ 1000 прибавочныхъ словъ и 1000 дополненій, съ надписью: *тысяча первая*. Меня спросили, много ли ихъ еще въ запасѣ? Я отвѣчалъ, что вѣрно не знаю, но во всякомъ случаѣ десятки тысячъ. Покупка такого склада товара сомнительной доброты, повидимому, не входила въ расчетъ и сдѣлка оборвалась на первой тысячѣ.

*) Живо припоминаю пропажу моего вьючнаго верблюда, еще въ походѣ 1829 года, въ военной суматохѣ, перехода за два до Адрианополя: товарищъ мой горевалъ по любимомъ кларнетѣ своемъ, доставшемся, какъ мы полагали, туркамъ, а я осиротѣлъ, съ утратою своихъ записокъ: о чемоданахъ съ одежей мы мало заботились. Бесѣда съ солдатами всѣхъ мѣстностей широкой Руси доставила мнѣ обильные запасы для изученія языка, и все это погибло. Къ счастью, казаки подхватили гдѣ-то верблюда, съ кларнетомъ и съ записками, и черезъ недѣлю привели его въ Адринополь. Бывшій при немъ денщикъ мой пропалъ безъ вѣсти.

**) Сдѣлаю при семъ пустую, но важную въ пріемахъ такого дѣла, замѣтку: всѣ подобные сборники должны писаться вчернѣ, въ запискахъ, на одной только страницѣ, покидая другую пробѣломъ. тогда можно въ свое время разстричь ихъ и подобрать въ какомъ угодно порядкѣ, нанизывая или приклеивая столбцами. Если объ этомъ не подумать вѣремя, то придется переписывать снова покрайней мѣрѣ цѣлую половину запасовъ, что отыметъ много времени и можетъ прибавить нѣсколько ошибокъ и описокъ.